

Ольга Соаль

КРИМИНАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЖЕСТОКОСТЬ ВПЛЕТЕНА
В ЖИЗНЬ

НЕ СТОЙ,

НЕ ПАДАЙ

Ольга Соаль

Не стой, не падай

«Автор»

2026

Соаль О.

Не стой, не падай / О. Соаль — «Автор», 2026

Америка, 1950-е. Молодые супруги Ферраро бегут из послевоенной Италии во Флориду, чтобы начать жизнь с нуля. Они верят в честный труд, в равенство, в то, что их дети будут жить лучше. Правда оказывается проше и грязнее: в стране возможностей выживают только хищники. Франческо начинает с махинаций на стройках, Кармела — с домашних яслей для детей мигрантов. К 1970-м у них уже своя армия, своя идеология, свои могилы. Империя постоянно поднимает цену за власть. И придёт день, когда судьба без спросу заберёт причитающееся. Мафиозная сага о том, как растёт жестокость. 18+.

© Соаль О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	17
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Глава 10.	23
Глава 11.	25
Глава 12.	27
Глава 13.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Соаль

Не стой, не падай

Глава 1.

1953 год.

На провидение в чужой стране надеются убогие и ленивые, считала Кармела. Мигрантов с их отпрысками оценивали плоскими взглядами, над их беспомощностью потешались, и места в садике магически-политическим образом испарялись.

Кармела и муж уже два года жили в США, приехали с приличным английским. Своего маленького Джузеппе она могла бы пристроить, уже приноровилась договариваться с местными. Но в её поселке штат вообще не утруждался дошкольным образованием – слишком много итальянцев на душу почтенного населения.

Соседкам приходилось оставлять работу или молиться заступнице, чтобы в их отсутствие старшие дети не уронили младенца. Как ни крути, бесплатный присмотр это всегда риск.

Прикинув, что пустяковая зарплата продавщицы не покроет расходов на няньку, после родов Кармела отказалась возвращаться в магазинчик. Франческо Ферраро, её муж, не сильно сопротивлялся. Он более-менее привык ужиматься, чтобы хватало на семью из трёх человек с ипотекой.

К тому же, скромные подарки подруг скрашивали безденежье. Как только Кармела объявила о намерении стать домохозяйкой, к ней устремились с просьбами присмотреть за пострелёнком час-день-неделю. Мамаши были в той же ситуации и в благодарность приносили то бутылку самодельного лимончелло, то добротные одежки для Джузеппе.

В Неаполе, думалось Кармеле, сидела бы дома, осваивала мамины рецепты да смотрела за своим собственным выводком. Тут же, в поселении Марина Верде, штат Флорида, им с Франческо приходилось изворачиваться.

— Я поговорила с соседками, – сказала она как-то вечером, перед самым сном. – Они пришлют мужей на выходных. Мы смастерим большую кровать, чтобы шесть-семь детишек могли спать.

— И куда ты хочешь её ставить? – буркнул Франческо.

— Мы подвинем нашу кровать к окну, а туда, – она махнула рукой в темноте, хоть вымотанный муж уже закрыл глаза, – а туда положим маленьких. Я всё подсчитала. Еду, пеленки, мыло, игрушки... Недельная плата – шесть долларов. Прибыль получится по три с каждого ребенка.

Франческо пробубнил что-то неразборчивое, списки и планы убаюкивали его; Кармела приняла это за согласие и со спокойной душой улеглась поудобнее, хоть мысли и продолжали булькать в голове.

И с маленьким Джузеппе будет сидеть, и деньги в семью приносить. Скоро они расплатятся с долгами, в которые влезли для переезда в страну возможностей, и начнут думать о втором ребёночке.

Кармела приспособила к делу большую амбарную тетрадь, где писала имена воспитанников, а также вела учёт расходов и внесённой платы. С этих двух, к примеру, месяц не будет прибыли – родители вложились в ясли трудом и вещами. Длинная-предлинная кровать, постельное бельё, а также ежеутреннее блюдо кукурузной поленты, чтобы хоть в этот приём пищи разгрузить воспитательницу. Ещё одна девчушка двенадцати-тринадцати лет, Мария, приходила с младшим братишкой и помогала Кармеле. В школу её не брали без документов о при-

вивках, а собирать томаты на фермах она пока не доросла. Такая щуплая, гляди переломится. За неё платили всего доллар, но пара старательных рук была просто незаменима.

Дом превратился в несмолкающие визги, шипение убежавшей каши и плеск мыльной воды. Всё надо было делать, ничего не хватало; про посидеть Кармела и Мария даже и не думали – дай-то боже постоять на месте дольше минуты.

Вечно опаздывающий к ужину Франческо долго не мог взять в толк, почему к его приходу нельзя прибраться. Он осторожно обходил обляпанные рубашонки, валяющиеся в коридоре, и сдвигал облупленные кубики на край стола. Товарищи невзначай раскрыли ему глаза:

— Моя-то, – самодовольно делился один, – поласковее стала. Мы с рождения младшего, наверное, так не кувыркались!

— Чего удивительного, – хмыкал Франческо в ответ, – с двумя пацанами за день так набегаешься.

— У меня точь-в-точь такое же! – кивал другой и подпихивал его в рёбра. – Как ясли появились, у жены голова не болит, смекаешь?

И по совету прозревшего мужа Кармела обзавелась помощниками. Услужливой Марии теперь платили символическое жалование. Подготовка тоже была делегирована одной из соседок взамен присмотра за её девочкой. Сама синьора воспитательница искала новое помещение.

Соплеменники вели к ней детей любого, даже школьного возраста. Ведь она учила не просто счёту и письму, а счёту и письму на английском.

Скоро подопечных стало так много, что старые трюки не спасали.

Марии доверяли следить за малышами в сончас. В скудном свете она упорно читала и перечитывала книги с непонятными словами, и скоро эти слова сами стали проскакивать в её речи.

Приходящие ученики ставили крестик напротив своего имени в амбарной книге. Кармела использовала время затишья, чтобы учить итальянских детей языку идиотов – там нет родов, меньше артиклей и спряжений. Лучше всего запоминалась грамматика, когда надо было перевести что-то вроде “этот идиот идёт домой” или “те идиоты ушли на рынок”. Дети покатывались со смеху и без усилий запоминали коварные правила. Они как попугайчики повторяли за прекрасной и строгой воспитательницей с её неизменными юбками в пол и сеточками на волосах, собранных в низкий пучок.

Конечно же, спустя какое-то время к Кармеле пристали с идеей организовать вечернюю школу для взрослых. Молодая женщина была так занята, что наотрез отказалась.

— С зари у меня ни минуты покоя, а вы хотите, чтобы я по двадцать часов в сутки таранила на английском! – возмущённо взлетали её густые брови. – Когда я, по-вашему, с мужем поговорю? На Рождество полчасика? Ну нетушки, у меня и жизни своей нет, и спина с задницей срослась от того, что я ваших малышек таскаю.

Три дня в неделю её стали подменять соседки. До ланча Кармела верховодила детьми и подручными; после – в одиночку гуляла, дышала. К вечеру с новыми силами объясняла, что “ты” и “вы” в английском – одно слово, а уважение проявляется через “сэр” или “мэм”. Так уж у них, американцев, заведено.

И в одну из своих прогулок она увидела его. Дрянной домишко, который так и просится термитам в рот. А вокруг земли – акра два, не меньше, хоть замок строй. Но лучше школу.

Глава 2.

Если у Франческо и было недовольство бизнесом жены, он его тщательно скрывал. В конце концов, это он убедил возлюбленную бросить всё и уехать в Америку, чтобы честным трудом, наравне с другими свободными людьми подняться из низов.

Уже с шестнадцати лет он был одержим идеей убраться из Италии. Любой ценой забыть, как пустой желудок сжимается и давит, выкинуть из головы заколоченные крест-накрест окна, серые с бурыми пятнами портянки и изрытые дороги. С конца сороковых и до самого отъезда каждый разговор у него упирался в эту мечту.

— Вот выдумщик, – смеялась синьора Соррентино, мать Кармелы, – вся Европа хочет на другой континент. Туда только умных и сильных берут, квоты у них.

— Но берут же? И у нас получится!

Он хватался за любую книжку по строительству и убедил невесту пойти на учительницу английского. Она послушно зубрила правила и на скамейке в парке пересказывала ему, а он уже сам, со словарём, складывал нужные фразы. Наградой служили чинные поцелуи, озорные щипки и догонялки между платанами. Эти деревья имели обыкновение в жару избавляться от верхней коры – давали своему стволу простор для роста. Стоит тронуть тонкие пластины, как они с шуршанием отслаивались и обнажали пятнистую древесину, от которой тянуло сладко-землистыми соками.

Когда Франческо садился на велосипед и колесил по округе, звуки молотка были ему милее пения птиц. Парень выцеплял взглядом самых нелюбимых и загорелых строителей, чтобы уважительно спрашивать, почему так, почему сюда, зачем это. Мастера расправляли плечи и погружали парня в секреты цемента и дерева.

В двадцать два Франческо с отличием закончил учёбу, став лакомым инженерным кусочком из-за выдающихся способностей и практической смекалки.

— А ты знаешь, что имеет вес, но не имеет массы? – как-то раз, в шутку, спросила его Кармела. Она вычитала загадку в учебнике риторики и припомнила её, пока их тела остывали под простынями. Франческо со смешком подтянул её за бёдра, чтобы она залезла на него.

— Нет. Что имеет вес? И не потрогать... – вслух обдумывал он. – Я бы сказал, любовь.

Кармела откинула длинные волосы назад, улыбнулась только лишь чёрными глазами и нависла над ним, упираясь ладонями в его рёбра.

— Прошу прощения, синьор, но ты меня достаточно ощутимо потрогал полчаса назад.

— Достаточно?

Она подняла глаза к потолку, легонько постукивая по нижней губе, будто всерьёз размышляла над его игривым вопросом.

— В тот момент мне показалось, что да. Но вдруг я ошибаюсь? Освежи мне память.

Иногда случайные разговоры помогали им на пути к мечте. Одному старому дипломату срочно требовался ремонт балкона на втором этаже. По доброте душевной он рассказал молодому рабочему, как отбираются люди для миграции:

— Ты поставь себя на место Штатов, сынок, – добродушно вещал он. – Что им нужно? Развивать страну, чтоб работа шла да налоги платились. Если тебе восемнадцать и ветер в голове, то от тебя будет больше проблем, чем пользы. А если ты взрослый и женатый человек с основательной профессией, то такой гражданин им нужен. Так и скажешь на собеседовании, мол, я не в бирюльки играть еду, а делом заниматься. Запомни фразу – обуза для налогоплательщиков. Нахлебникам сразу указывают на дверь.

Кармела успешно сдала экзамены при консульстве, и они скромно расписались. Кузина дала перешить своё свадебное платье: хоть обе и были одинаково высокими, невеста обладала более выразительными формами. Распустили шнуровку корсета, подправили пышные рукава

– переделка заняла всего два дня. Кармеле особенно нравились кружева поверх по-королевски объёмной юбки, и она часто проводила по ним твёрдой рукой. Запоминала, ведь места в багаже для платья не хватит.

Отобедали в любимой траттории. Во-первых, война оставила им по три-четыре члена семьи – закатывать пир казалось излишеством и неуважением. Во-вторых, деньги нужны на другое.

Страшные тысячи ушли на взятки, чтобы в разрастающемся Майами узнали о Франческо и выслали предложение трудоустройства. Скидывались всей улицей.

Грин-карта досталась им с лёгкостью, хоть и не быстро. Законный брак, знания и навыки, а также английский выше среднего продвинули заявку Франческо и Кармелы. Синьора Соррентино попеременно обливалась слезами и хвасталась перед каждым встречным, пророча дочке и зятю безбедную жизнь.

Заявка провисела на самом верху списка целый год. Сидеть сложа руки и ждать под пла-таном погоды было не в их привычке.

— Я хочу приехать с толстым кошельком, – заявила молодая жена. – Мы пока что можем подрабатывать и копить, урезать расходы. Привезём первый взнос на дом дорожными чеками, разве это не самое разумное?

“И то правда, – согласился тот. – Я могу наняться в гараж по вечерам, Кармела тоже что-то найдёт. Ничего страшного, если несколько месяцев придётся видеться урывками, а велосипед перевозить я и не собирался. Сломался и сломался, в Америке куплю новый.”

— Ну, свой угол – это дело хорошее, – улыбнулся он.

Ему не терпелось начать взрослую жизнь на новом месте, а какой же серьёзный мужчина будет мыкаться по общежитиям или снимать комнату?

Перед отъездом продали всё, на что находились охотники, и отбили все атаки мамыши Соррентино, которая норовила засунуть в саквояж то фамильное блюдо, то пару башмаков.

— Перестань беспокоиться, – вздыхала Кармела, – или ты думаешь, в Америке нет магазинов?

— Мы навестим вас через годик-два, и тогда можете нас нагружать как вам вздумается, – поддакивал Франческо.

С бодрой уверенностью он обещался семье и друзьям: как обустроимся, рассчитаемся со всеми и будем поддерживать неапольских благодетелей.

Глава 3.

1955 год.

Сверхурочные не учитывались. Начальник плевал на землю и сквозь зубы грозился всех поувольнять к чёртовой матери, раз не успевают за световой день. Строители состояли на две трети из нелегалов, которые ютились в общежитиях и не могли себе позволить потерять работу. Заканчивали в темноте.

Если б платили как в гарантийном письме прописано, то сдержать перед роднёй слово не составило бы труда. А если б не это письмо из Coldrain Limited, открывшее двери в Америку, Франческо нашёл бы другого нанимателя – благо, Майами и сам хотел развиваться. Но контракты просто так не расторгаются, да и со сменой компании мигрант попал бы в поле зрения инспекторов. Неровен час, нагрянут проверить семью Ферраро, а там полный дом чужих детей.

Оставалось выжидать, прикусив язык и наострив уши. И случай появился – в лице прораба, мистера Поппера.

Однажды Франческо оставил ему записку. Фундамент не успеет затвердеть; план необходимо пересмотреть, сроки продлить на три дня как минимум, а то весь торговый центр просядет. У Попперахватило ума на обороте обругать тупорылого макаронника и дать команду держать возражения при себе. Бросив бумажку в подсобке, он заторопился к друзьям, пострелять кроликов-беляков.

У Франческохватило ума её сохранить.

Когда здание рухнуло за неделю до сдачи, очень хмурые люди взяли мистера Поппера за шкуру, а тот все стрелки перевел на полуграмотных мигрантов. Так и выпалил с порога, едва двое крепких парней приволокли его к мистеру Колдрейну.

— Как вы можете увидеть из записки, сэр, – сверкал серыми глазами Франческо, – я пытался привлечь внимание к данной проблеме. Если человек ничего не понимает в строительстве, его нельзя допускать к планированию.

Держался он прямо, уверенный в правоте, и говорил исключительно с президентом компании.

— Ферраро, сукин сын, заткни свою пасть! – выкрикнул прораб, но на него даже не взглянули.

— Обвалялись ваше здание через месяц, на головы покупателей, – продолжал тот свою заготовленную речь, – вам не избежать газет.

— Я всех вас, кретинов, верну на помойку, откуда вы выползли! – снова не сдержался Поппер.

Колдрейн вздёрнутыми бровями спросил у своих партнёров, имеются ли к истеричному ещё вопросы, а затем кивнул помощникам, которые помогли тому покинуть помещение.

— Ты не так уж и далёк от истины, сынок, – медленно затушил Колдрейн сигарету.

— Сэр, Мистер Поппер тешит своё самолюбие за ваш счёт – в прямом смысле. Я полагаю, это вы оплачиваете пребывание двух человек в больнице, а не он? И я уж молчу про многочисленные суды, компенсации и проверки в случае повторения ситуации.

Доводы понравились людям в костюмах, которые искали виноватого. Спесивость прораба ставила компанию под удар.

Поппера с хлопком вышвырнули в тот же день. А через неделю Франческо подписывал отпечатанный на машинке трудовой договор, да на фирменном бланке. Прораб Франческо Ферраро. Первым делом он разузнал о банковских переводах за океан – родне в Неаполь.

И у итальянских строителей теперь сидел свой человек в верхах.

Кармела же смиренно ждала финансовой свободы, придерживая порывы обновить кухню. Когда дела семьи пошли в гору, она отвела мужа к заветному участку и его владельцу.

Старый Антонио Риччи, которого семья вывезла из Сицилии ещё до прихода Муссолини к власти, выживал на пособие. Его сын и внуки уехали куда-то в Чикаго, а деда оставили на хозяйстве – да так ни разу и не написали ни строчки. В маленьком посёлке личная жизнь была как на ладони, и женщины за чашкой кофе снабдили Кармелу всей информацией.

— У сынули был дом прям через улицу, так он его втайне продал! – возмущалась она. – Представляешь, каково Антонио было увидеть новых жильцов? У него, наверное, умерла всякая надежда дождаться родных.

Вместе они навестили деда – по-соседски. Бедняга и правда так сник, что перестал мыться и запил. Он перетащил к себе нераспакованные коробки и ветхую мебель, которую новосёлы выбросили на лужайку перед домом. Судя по кисло-солончатому духу, питался старый Антонио консервами и хлебом.

На приподнесённую кассероль он смотрел без интереса и от общения отказывался. То ли от стыда, то ли действительно отвык от внимания.

— Да уж, – нахмурился Франческо. – Ты посмотри, как он живёт – весь дом какой-то побитый!

Они ехали к себе, чтобы побыстрее отмыться от пыли. Кармела сочла вопросы совести решёнными и перешла к делу.

— Франческо, мы должны рискнуть. Отстроим маленькую такую школу, – убеждала она мужа, – научим своих языку, а там, глядишь, они станут зарабатывать больше, и я плату повышу. Вся наша община только выиграет! У Антонио полно земли, договоримся с ним, чтобы за аренду не брал.

Он видел, что глаза у жены блестят, что загорелась она не на шутку, но таких денег у него всё равно не было. Только с долгами разобрались! Тем более, её двадцать пять долларов в неделю против его сотни казались детским лепетом. Ну не может её задумка стать прибыльной, если у клиентов в кармане пусто.

— Tesoro^[1], новое здание стоит чуть больше, чем платье, – грустно улыбнулся он. – Сейчас мы не можем себе этого позволить.

— А когда? Я бы пока над проектом поработала.

— Знаешь, – свернул он на свою улицу, – ты бы пока старику помогла. Пусть кто-то из женщин придёт к нему. Прибирётся, покормит. Он совсем загнётся, если к нему не приходиться.

Кармела фыркнула и уставилась в окно, но спорить не стала. Какой смысл, если денег нет.

“Вернулась бы в продавцы, – подумал Франческо, – а уж Джузеппе оставили бы на Марию.”

На пропитание теперь более чем хватает. Если честно, у прораба своих проблем полно – хоть он теперь и на короткой ноге с Колдрейном, выбить достойную оплату труда не получается.

И всё же её задор был заразителен. Просто немного неуместен в этот момент. Он и сам не прочь переселить малышню – ой как не прочь! Особенно обрадуется его мизинец, который очень хорошо знает о добротности чёртовой кровати в половину их спальни.

“Вот достучусь до хозяина компании, – пообещал он себе, – и будем думать.”

[1] Tesoro - (итал.) сокровище.

Глава 4.

1956 год.

Для дубового кабинета Колдрейн подобрал тёмные тона. Видимо, чтобы дерево не пожелтело от никотина. Франческо смиренно слушал его, хоть снисходительный тон и поза вполоборота скребли по нервам.

Президент компании был в два раза шире прораба Ферраро. И в сто – нет, в тысячу! – раз богаче. О мелочах вроде одежды он не заботился: коричневый пиджак его местами припорошило пеплом, чего он ничуть не стыдился.

— Ну соглашусь я на сверхурочные, и что произойдет на следующей неделе? – он вертел в руках сигарету, пристально изучая дымящийся конец вместо взъерошенного мужчины перед собой.

Тот переминался с ноги на ногу за несколько шагов до стола. Ему даже не предложили присесть после рабочего дня – мол, разговор с тобой не затянется.

— Я, приятель, вижу будущее как медиум. Вы рассядетесь на ступенях, станете кости начальству перемывать, а сроки как горели, так и будут гореть.

Спорить с таким заявлением Франческо счёл ниже своего достоинства. Только ноздри раздул.

— Десять часов сверхурочных, я, так и быть, одобрю. Однако! – Колдрейн поднял палец вверх и встретился глазами с собеседником, – если вы даже с такими шикарными условиями продолжите меня подставлять, то пеняйте на себя. За каждый день просрочки ожидай вычета из платы.

— Сэр, да где же это видано, чтоб рабочие...

— Не надо мне тут, – костюм авторитетно остановил его ладонью, наконец поворачиваясь. – Мы с тобой проговорили, как обеспечить безопасность возводимых строений. Ты сам лично указал, какие гвозди плохи, а какие хороши, и всё такое прочее. Питьевую воду, опять же, возим на участок. Вам, голодранцам, палец дай – всю руку откусите.

Костюм пожевал губу и с головы до пят оглядел Франческо. Тот сжимал ляжку комбинезона, измазанную извёсткой, – сам себя удерживал на месте и больше не открывал рта.

— Пойми меня, сынок, я ж не сижу тут как Сатана на троне, и не думаю, в чём бы вас ущемить. – Он даже приподнял брови, вытянув лицо и притворно-невинно распахнув глаза. – Я в бизнесе с тридцать восьмого года, я слышал все отмазки и все причины – от Орландо и до Ки-Уэста.

Рука взметнулась вверх и сразу вниз, обозначая север и юг штата, из-за чего пепел прыгнул на полу его пиджака, да там и остался. Франческо сощурился от сизого дыма, а Колдрейн с грохотом открывал и закрывал ящики стола.

“Ага, – хмыкнул про себя Франческо, которому осточертел этот монолог. – То-то у тебя контора в Марина Верде с населением две тысячи человек. Бизнесмен хренов. Погнали из приличных мест или обанкротился?”

Колдрейн же нашёл какой-то разнесчастный блокнот и принялся вдавливает окурок в пепельницу, не замечая раздражения подчинённого.

— Но ситуация остается прежней: я вкладываю огромные средства в участок, в материалы, машины, рабочую силу, – продолжал он в праведном гневе. – За всё это платить надо сейчас, чтоб лет через семь-восемь отбить себестоимость. Мне нельзя ждать ещё недельку или две.

— Может, стоит закладывать больше расходов на рабочую силу?

— Может-может, морду покорёжит! – Повернув набросанные расчёты к нему, Колдрейн вдарил ногтями по бумаге: – Не учи учёного! Всё впритык! Сходи в любую контору – никто тебе за такую скорость работы не станет платить больше, чем я.

Франческо сделал вид, что понял позицию костюма, и откланялся. За последние месяцы ни одни переговоры не увенчались успехом. Десять часов сверхурочных – и на том спасибо.

Бригадиры, ожидавшие новостей у жестяной бендежки, оборвали разговор на полуслове. Прораб в ответ лишь устало помотал головой и кратко рассказал о маленькой победе. Никто не удивлялся и не хлопал по колену от радости, и через пять минут стройка снова закипела.

“Нет страны возможностей, – думал Франческо по пути домой. – Везде одинаково. Везде за столом сидит боров, которому всё мало, и говорит парням в грязных ботинках, что вода – это уже поблажка. Выгоню, оштрафую – это кнут; вода в майскую жару – это, получается, пряник?”

Дорога от объекта к посёлку не освещалась, и машина покрывала расстояние медленнее, чем хотелось бы. А ведь ещё надо выгрузить двух безлошадных у общежития, заехать на заправку и обдумать, с какого бока подойти к костюму.

В одном Колдрейн прав: любая другая контора скорее наймёт пять нелегалов, чем возьмёт профессионала на справедливую ставку. Франческо сунулся было туда, интереса ради. Своих парней он бросать не собирался, с американским прорабом они откатятся во времена Поппера.

И ничего они не смогут сделать, нет у них денег на участок и на материалы, чтобы строить своими силами, платить по-честному и продавать в открытую, без сговоров и конвертов.

“Мы все мальчишки в коротких штанишках, – шурился Франческо в темноте. – Пытаемся играть во взрослую жизнь, а настоящие правила нам не объяснили. Обдурить да пригротить – оказывается, так у американцев заведено.”

Глава 5.

Кармеле надоело утирать сопли и талдычить про времена глаголов. Воображение рисовало, как она в просторном здании руководит утирателями и подписывает чеки. Как её амбарные тетради распухают от перечня сделок с подрядчиками.

“Розу – на полную ставку в учителя. Она и так меня постоянно подменяет, – размышляла она иногда, – четырёх соседок можно забрать с ферм и поставить на кухню да в прачечную, поспенно. Неделю готовишь, неделю стираешь – и спина не будет отваливаться. Марию оставить на самых маленьких: у неё такой терпеливый характер, что малыши липнут до самого вечера.”

Кармела лучше всех знала этих детей, поэтому за чашкой кофе рассказывала родителям, какие у кого способности, как их развивать и какое будущее прочить. В своих фантазиях она уже была уважаемой донной, к которой идут за советом.

Но сейчас она ломала голову над тем, куда деть двадцать фунтов апельсинов. Детишки сговорились и коллективно отказываются их кушать после сна. Мелочные проблемы надоели до тошноты.

Поэтому, только Франческо переступил порог кухни, она вместо приветствия спросила:

— Ты подумал про мою школу?

— Ох, милая моя, не до школы, – мягко сказал Франческо, усаживаясь и мельком просматривая какие-то расчёты на столе. – Колдрейн мне все нервы выклевал. Что ты там считаешь?

Кармела доставала кассероль из духовки, оставив раскрытую тетрадь. В табличку она вносила наименование продукта с его стоимостью, сколько закуплено и каков расход в неделю, о чём и сообщила мужу. Тот одобрительно кивнул и вытянул ноги, повращал ступнями и сладко вздохнул.

— Думаю выменять апельсины на вино. Оно не протухнет. Дети устраивают проклятые истерики из-за того, что им, видите ли, шкурка в глаз брызгает, – пожаловалась она и поставила перед ним тарелку пастиччо.

— И ты позволяешь пострелятам командовать тобой? – незлобиво сказал он и отправил фрикадельку в рот. – Ударила кулаком по столу, будут есть как миленькие.

— Слушай, будь это два-три моих ребёнка, я бы так и сделала, или пустила бы фрукты на пирог. Но двадцать фунтов, Франческо! Ты скажешь, мелочь, а я не собираюсь платить из своего кармана, если они завтра уйдут в мусорку! У меня тут бизнес, а не фабрика переработки.

Убытки, понял Франческо. Колдрейн никогда не знал слов “честность” и “человечность”, а вот убытки для бизнесмена – самый живой разговор. Он страдает от каждого дня простоя, он рассчитывает на выплаты от заказчика, которые будут откладываться дальше и дальше, пока бригада не сдаст объект, а денег у Колдрейна нет, он сам весь в кредитах, займах и залогах. Убытки, сроки... сроки, убытки...

Кармела гудела на заднем фоне и звякала посудой; у Франческо складывалась картинка. Если его бригада не выйдет, то их заменят мексиканцами, которые стоят у заправок и ждут залётного работодателя. Конечно, качество будет не на уровне, но когда Колдрейна это оставляло?

— Дай-ка мне чистый листок и карандаш, – потребовал он и отодвинул пустую тарелку. – Давай накидаем чертёж твоей школы.

Старый Антонио, как оказалось, уже имел гражданство США, оттуда и пособие. Работал когда-то на железной дороге, даже свободно разговаривал с американцами – как белыми, так и цветными.

Кармела и Франческо отмыли его, неделю держали у себя в доме, чтоб не пил, и нашли на его сухопарую фигуру костюм с галстуком – для похода в банк. Седую копну ему аккуратно подстригли, лицо выбрили, даже отучили горбиться.

Кредитный управляющий глянул на сметы и бизнес-план, что-то долго и непонятно говорил про риски и обеспечение.

— Вы и сами согласитесь, что предприятие крайне нестандартное, – нехотя объяснял он. – Если вместе с языковой школой для взрослых? Это могло быть интересно по отдельности, но я не вижу смысла их объединять в одном здании.

— Смысл в том, – возразил Антонио, – что дешевле построить большое здание, чем два маленьких. Земли у меня много, размер не проблема.

— Я всё же рекомендовал бы вам пересмотреть свой план, – не сдавал позиций управляющий, глядя то на сидящего клиента, то на стоящего за его стулом Франческо. – Сколько вам понадобится времени, чтобы предприятие начало приносить прибыль? Не хочу показаться циничным, но банк не склонен давать кредит пожилым людям. Мои руки связаны.

— У нас полно будущих клиентов, да и персонал подобран.

— Я не был бы так уверен насчёт клиентов, мистер Риччи.

Франческо не забыл заветов неапольского дипломата. И в красках расписал управляющему, что сегодняшние малыши без образования превратятся в уличные банды:

— Да, многие родились в Штатах, они имеют право учиться и получать помощь государства наравне с вашими детьми, но кому нужны такие паразиты? Лучше с пелёнок петь им песенки на английском!

Для подкрепления он положил на стол консульский диплом жены – мол, и профессионал у нас имеется; как дадите добро, то и компанию официально регистрируем, будем платить налоги наравне со всеми.

Управляющий всё поглядывал на часы:

— Решение придёт по почте, мистер Риччи, – и попросил их освободить кабинет.

Дома, в гостиной, Кармела ждала новостей, сжимая чётки в молитве, будто Дева Мария могла поставить подпись вместо американца.

— Он не впечатлился. Он не понял, почему это важно, – выговаривала она мужу, когда тот вернулся с дедом из банка. – Ты думаешь, он боится пацана с ножичком, если никогда его не встречал? Он боится, что ему босс по лбу настучит, если он будет раздавать кредиты направо-налево!

— Ты хочешь, чтобы я кого-то подослал его поугадать? Ты в своём уме?

— Боже мой! – возвела она глаза к потолку.

Франческо не понял, ужаснулась ли она этой идее – или раздражена его нерешительностью:

— Во-первых, за такое нападение и на нары угодить можно! А во-вторых, он же в два счёта врубится, что это моих рук дело. Не годится, совершенно не годится.

— Никто ни на кого нападать не собирается, прекрати.

Кармела поднялась с дивана, оставив чётки между подушками, и принялась мерить комнату шагами.

— Когда я работала за кассой в магазине, – тихо проговорила она, – у нас отоваривалась миссис Полли Диккенс... и, судя по сплетням, у неё есть поклонник. Угадай, кто?

Глава 6.

На воскресном обеде кредитный управляющий внимательно выслушал Полли, жену соседа, и сокрушённо покачал головой:

— А я вам расскажу, почему подростки так себя ведут, – назидательно сказал он, ведь чужие мысли скатываются с языка как роса с листочков. – Их родители с утра до ночи на полях, им некогда заниматься юным поколением. Хулиганы растут.

— Они окружили меня на парковке супермаркета! Бегали и улюлюкали, как звери! – не могла успокоиться соседка. – Гетто да и только. Кто-то должен заняться этим вопросом.

— Вы совершенно правы, дорогуша, – важно кивнул управляющий. – Кто-то должен этим заняться.

— Я тебе говорил, это безнадежно, – буркнул её муж. – В полицию не пойдёшь, преступления нет. Да и без имён ни у кого нет возможности их приструнить.

Полли на пару секунд надула губки и накрутила на палец локон, спадающий на лоб. Вилки ещё немного поклацали о фарфор, и управляющий любезно подлил даме вина. Он мысленно принял решение, как обставить недотёпу Диккенса, и пониженным для значительности тоном сказал:

— А что если я вам скажу, что у меня есть такая возможность? Человек я маленький, но отказываюсь стоять в стороне, пока наши друзья и семьи переживают за свою безопасность.

Напускная скромность не помешала ему принять похвалы от Полли, а сердитая мина вечного соперника-соседа была вишенкой на торте.

Мистер управляющий одобрил заявку залихватской подписью. Пожалуй, игра стоила свеч. Показал этому напыщенному индюку, как быть настоящим мужиком. На следующем обеде надо не забыть вернуться к этой теме, рассказать о мерах, принятых для спокойствия их городка. Никто из них даже не догадывается, как изящно он избавился от проблемы!

Итальянцы закупили всё необходимое и по вечерам подвозили материалы на участок. Старый Риччи с энтузиазмом указывал, где сыпать песок, а где сложить шифер. Горький джин как-то сам собой испарился из последней початой бутылки. Пополнять запасы Антонио не стал.

Франческо взялся за саботаж.

Он сообщил костюмам о “вспышке гриппа среди персонала из-за неудовлетворительных условий в общежитии”. И возвращаться персонал не собирался – из-за просрочки им достанутся гроши после вычетов. Ему сперва не поверили, а при виде пустой стройплощадки костюмы взбеленились и вышвырнули Франческо из конторы.

Им пришлось колесить по округе, собирая по три-четыре неприкаянных строителя то тут, то там. Стабильные, рукастые бригады были заняты. Лето – самый сезон.

Мексиканцы ухватились за шанс проявить себя. Они кивали и говорили “да, сеньор”, рассчитывая из цифр получить ту информацию, которая была скрыта за американскими словами. Работали споро, проверяя и перепроверя чертежи и спецификации.

За месяц, пока итальянцы “болели”, вырос двухэтажный торговый комплекс. Но вырос криво. Пара-тройка запятых в переданной проектной документации заблудились. А уж случайность это, недосмотр больших боссов или ошибка уволенного прораба, разобраться не стали.

Мексиканцам за брак не заплатили, потому что вводить это здание в эксплуатацию не представлялось возможным. Было принято решение пустить деньги на мотивационный бонус – для итальянцев. Чтоб вернулись и всё поправили. Сроки горят.

— К сожалению, мистер Колдрейн, – развёл руками Франческо на переговорах, – у нас в данный момент свой проект. У меня просто не получится уговорить ребят всё бросить и вернуться к старым условиям труда. Вам придется пойти на уступки.

Итальянцы со своим новеньким подрядным кооперативом выбрали контракт на год, а не как раньше – сдельная оплата каждую неделю. Штрафы и вычеты были строго определены и не могли меняться по настроению того костюма, который сидел за столом в данный момент.

Тех же мексиканцев – подставленных – старый Антонио перехватил для отделки школы. Чтобы не тратить на дорогу по два часа каждый день, он предложил им временно поселиться в своём жилище, которое они же и подлатали.

Женщины носили им пасту и свежий хлеб, предлагали освежиться фруктами в самую жару. По субботам для них стирали, а вечера с оторванными от семей мужчинами коротали под гитару.

Двое из итальянской бригады тоже поселились на объекте, следуя за отделочниками по пятам. Они тыкали пальцами в стену, в краску, в лампочку, по пять раз повторяя слова и неумолимо расширяя лексикон мексиканцев.

Строительный Кооператив Риччи и Ферраро обзавёлся наёмными рабочими раньше, чем Кармела перерезала ленточку на открытии школы.

К пятидесяти девятому году община вошла в новое русло. Мужчины вкладывали физический труд, а женщины, освобождённые от пелёнок, неделями сидели в библиотеках. Пока денег на колледжи нет, приходится в книгах искать и про налоги, и про миграцию, и про магию документооборота.

Франческо развалился на стуле в тени своего заднего двора. Джузеппе и друзья играли, по очереди раскачивая друг друга в гамаке. Мария вынесла им лимонад на подносе. Осенью вчерашние малыши пойдут в настоящую, американскую школу, и нянька то и дело утирала наворачивающиеся слёзки.

— Эй, девушка, подойди-ка, – позвал Франческо и на минуту подумал о жене.

Кармела прилегла, скрываясь от палящего зноя; вторая беременность давалась ей с трудом. Она раздобрела, хоть и исторгала из себя питательные вещества каждое божье утро.

Мария же, напротив, вытянулась и понемногу прятала подростковую угловатость.

Кармела возлежала на кровати и занимала себя подборкой бархатных диванов для строящегося дома: ножки должны быть как львиные лапы, зелёный должен быть благородного оттенка. Чёрт не разберёт, где в радуге секция благородных. Чёрт не разберёт, зачем торопиться с мебелью – объект не закончат до родов, сколько бы она ни кланчила.

Мария же сновала туда-сюда, воркуя и напевая для малышни.

— Да, синьор, – сказала она.

— Подойди, подойди поближе. Мне надо с тобой кое о чём поговорить. Тебе сколько лет уже?

Глава 7.

1960 год.

— Мистер Ферраро, я буду с вами откровенен, – сказал банкир, пощипывая свои великолепные усы. – Это похвально, что вы развиваете наш городок, однако...

— Не секрет, что итальянцы и испанцы составляют две трети населения, – твёрдо перебил его Франческо.

“Я пришёл с предложением, а не с просьбой, – мелькнуло у него в голове, – и ты меня выслушаешь.”

Он позволил себе почти дружескую улыбку, и банкир использовал её, чтобы нетерпеливо вклиниться:

— К чему это вы?

— Магазины, производства и конторы неизбежно вырастут для своих, не англоязычных, клиентов. Только вот без направляющей руки и стартового капитала эти люди так и останутся босяками.

— Банк – не богадельня. Мы не видим причин вкладываться в ваши проекты.

Франческо поднял кожаный портфель с пола и извлёк несколько листов. Субботний день как нельзя лучше подходил для личного визита. Некоторые вещи можно обсуждать лишь в тишине уютной библиотеки мистера Блэкуотера, президента филиала банка Trust & Savings в Марина Верде.

— Позвольте подкинуть вам идею для подарка. Скоро ваша дочь с мужем будут отмечать первую годовщину.

— О? К чему это? – уже пытливо спросил банкир, подавшись вперёд. Его голос стал неумовимо выше, и этого было достаточно, чтобы Франческо продолжил:

— Если, к примеру, с вашей помощью зять станет соучредителем, то дивиденды обеспечат им стабильный доход на многие годы вперед. Это сказочный подарок от заботливого отца, не так ли?

Банкир вчитался в документ.

Рыболовецкая артель. Строительный Кооператив Риччи и Ферраро вносит две тысячи долларов. Некий Мартинес участвует имуществом – грузовик Форд F-1. Абрахам Тэннер – знакомый рыбак, сто лет в обед! у него мать брала окуня и сома! – он дает свою лодку. Деревянная, но с мотором, Boston Whaler. Дуглас Смит – пятьсот долларов.

— Вы хотите, чтобы я своими личными пятью сотнями сделал зятя партнёром в вашем деле? – дёрнул губой Блэкуотер.

— Да. Такой осмотрительный человек явно имеет сбережения. – Франческо невозмутимо достал пачку банкнот, завернутых в чистый лист, и положил их на стол. – Вместо того, чтобы покупать молодым телевизор, вы с присущей мудростью сделали взнос в их будущее.

— У Дугласа уже есть телевизор, благодарю покорно, – выдавил он смешок и подтянул пачку поближе. – Моя жена хотела передать им фамильный сервиз.

Он ещё раз ознакомился с бизнес-планом. В городке и вправду не было артели – только разбросанные по побережью старики, которые продавали улов по соседям. Ферраро хочет построить пристань силами своего кооператива, докупить транспорт и оборудование. С ссудой банка шансы на успех велики. Это поставки в магазины, это рынки граничащих селений – при фактическом отсутствии конкуренции.

А самое главное, эти пять сотен не отследить. Подчинённые не увидят учредительных документов, если он сам проведёт операцию. В повседневных транзакциях только суммы, даты да получатели. Откуда узнать про него или про зятя?

“Смит.” Если где и приметят, фамилия обычная. Вот и сыграл бесцветный парнишка, за которого вышла дочка, – его даже на карандаш не взять. Адрес у них, опять же, в Майами, где таких пруд пруди.

Блэкуотер погладил усы и усмехнулся. Он даже может отщипнуть пару сотен из семейного бюджета, чтобы сходить в одно интересное местечко в большом городе. Дамы там чеков не берут. Жена ему точно поверит, что эти деньги ушли на подарок.

А итальяшка не такой уж и босяк. Серый костюм-двойка, шляпа с загнутыми вверх полями и продольной ложбинкой. Под ней – аккуратная стрижка, как у Элвиса. Морду гладко выбрил. Слишком молодой, конечно. В свои тридцать с хвостиком много на себя берёт.

Хотя, как знать? По документам он второй в их иерархии. Главный подослал его? Явно парень на побегушках. Все знают об итальянских методах. Вот и про зятя Дугласа они накопили информацию.

Как бы ни был банкир настроен против понаехавших, сейчас живая логика оправдывала выбор. Хрустящая логика. Пусть лучше эти двадцать мужиков работают на лодках, чем шляются по улицам.

Проведя большим пальцем по краю пачки, он прикинул, сколько Дугласу накапает в год. Затем с вежливым кивком двинул купюры обратно к итальянцу.

— Банк имеет хороший опыт работы с Кооперативом Риччи и Ферраро. Пожалуй, под вашим руководством и рыборотговля будет процветать. Я вложу пять сотен. Сколько у вас – сорок, пятьдесят процентов?

— Сорок пять, сэр. Мистеру Смиту пойдет одиннадцать.

— Что ж, я готов помочь зятю. Надеюсь, что это не последнее предприятие, которое вы открываете.

Франческо бережно сложил возвращённые деньги в портфель и принялся заполнять расписку.

В тысяча девятьсот шестидесятый год община вошла с россыпью ферм и пекарней. Ссуд для запуска им не потребовалось. Старый Антонио рассказал, что земли на отшибе, за его домом, стоят копейки, буквально тридцать долларов, – и они перетянули к себе нелегалов с кукурузных полей.

Читали книги и журналы по сельскому хозяйству, строили крепенькие хибарки, закупали ваниль, жасмин, орхидеи и шампиньоны портобелло. Семья “переселенцев” получала свой надел. Добрый сосед Моруччи, муж Розы, реализовывал товар, удерживая половину. В пользу кооператива, конечно.

Впускать туда американца не было нужды. Однако его готовность идти навстречу за кусочек пирога будет полезна в будущем.

— Я не хочу хвататься за всё подряд, – солгал Франческо. – Когда артель станет прибыльной, будем думать.

— Если вы зайдёте ко мне в понедельник и расскажете, насколько быстро затея окупится, кредит вам будет одобрен. Рыба не недвижимость, продается сразу.

— Вы правы, – он передал расписку.

“Получил от Дугласа Смита \$500 в качестве взноса в уставный капитал артели Тэннер & Сыновья”. Банкир даже не упомянут. Банкир более чем удовлетворен.

Глава 8.

У Франческо что-то прыгало в желудке, и, покинув дом мистера Блэкуотера, он заехал в аптеку – выпить содовой.^[1]

После рождения двойни – Матео и Франчески – рядом с домом старого Антонио выросло гнездо семьи Ферраро. Длинный коридор первого этажа разделял его на две половины: слева кухня, за ней рабочая комната Кармелы, а далее – “комната солнца”, как назвала её Мария. Оттуда можно было выйти в садик на заднем дворе, где росла мята рядом с базиликом и роскошными кустами китайских гибискусов. С правой же стороны устроили гостиную, аккуратно напротив кухни да с арками вместо дверных проёмов; за ней – светлая столовая, а уж в углу уютился кабинет Франческо.

Там он появлялся редко, и, по правде говоря, сейчас хотел собраться с мыслями без домашнего гвалта.

Мысли были длинные. С корнями и веточками, которые тянулись к будущему.

“В Италии за меня договаривались родственники, – вспоминал он, сглаживая капли со стакана с содовой, – займ на строительство школы мы получили практически по воле случая. Столько непоняток! Господи, да мы действовали на авось, ни черта не продумав.”

Теперь он стреляный воробей, он видел, что доводы об общественном благе всем безразличны. Американцам и так хорошо живётся, без личной выгоды они и пальцем не шевельнут.

Кассир замечательно звенел аппаратом и улыбался покупателям. Все любят работать с деньгами, пусть и не своими. Цифры посильнее идей будут.

Впервые Франческо разыграл свои карты, чтобы деликатно заманить в альянс влиятельную фигуру. Он знал, что ходит по тонкой ниточке. Без должной подготовки предложение могло отпугнуть, оскорбить банкира, и кооперативу пришлось бы туго. Один банк на городишко.

Это так просто – узнать, какие именно цифры важны твоему собеседнику.

Надо бы оставить чаевых.

Столько мыслей в голове.

Нелегалы приезжали и приезжали, и Франческо говорил им рожать без опасений – работа будет. Займы ещё понадобятся, когда придёт время строить заводик или универсальный магазин для новоприбывших.

Всё-таки он правильно сделал, что прыгнул через кредитного управляющего и обратился сразу к президенту филиала.

Он навалился локтями на высокую аптекарскую стойку и попросил повторить напиток. Потом бездумно наблюдал за парнем. Перестук льда и шипение кока-колы приятно поглаживали нервы. Кассир добавил вишнёвого сиропа и, забрав пятицентовик, поставил стакан перед Франческо. Четвертак чаевых важно стукнул о столешницу и был дотянут до противоположного конца с благодарным скрежетом.

Одновременно хотелось спрятаться в спальню с задёрнутыми шторами – и хотелось прыгать, хохотать, жать руки, просчитывать следующую авантюру. Оказывается, договариваться так легко!

Он сделал здоровый глоток и только тогда заметил сына с молочным коктейлем у выхода – тот изучал обложки газет и журналов.

— Джузеппе! Почему не в школе?

— Суббота, папа, – мальчик невозмутимо хлюпнул из трубочки и подошёл ближе. – К нам домой пришли дяди. Они испаны. Мама сказала взять мелких и погулять с Марией, дала мне монетку. Но с ними скучно, я убежал.

— Испаны? – Холодный пот выступил где-то на пояснице. – Ты их раньше видел? Они с папиной работы?

— Не, – сказал тот и снова хлюпнул. – Мама спросила, как звать, а они не ответили. Очень невежливые.

Кто-то зашёл в аптеку и звякнул колокольчиком на двери. У Франческо дернулось плечо. Опустившись на одно колено, он быстро зашептал:

— Слушай меня внимательно и отвечай тихо. Сколько дядей? Как одеты?

— Четверо, – малыш призадумался, – не строители. Ну, не запачканные.

— Старые? Как дед Антонио? Или как папа?

— Они разные. Можно мне читать? – он неопределённо ткнул в стенд с прессой.

Поняв, что от ребёнка семи лет большего ожидать не приходится, он подтащил его к стойке. Фармацевт как раз доставал сигареты для покупателя. Касса мелодично дзенькнула, и мужчина ушёл. Франческо достал пятёрку и сердито шлепнул её о стойку.

— Сэр, у вас всё в порядке? – спросил парень.

— Присмотри за ребёнком, – сказал он, – дай ему все комиксы, какие он захочет. Я пришлю за ним. – Затем он присел на корточки и сказал сыну: – Сиди спокойно, не высывайся, понял? Я должен пойти к маме, тебя взять не смогу.

Он дождался только кивка от Джузеппе и, не обращая внимания на выпученные глаза фармацевта, широкими шагами направился к машине.

Сука, сука, сука. Те, с кем он работал, не посмели бы заявиться. Кто имеет право? В его дом? Он и не общался с ними толком – ставил задачу их прорабу, а тот уже переводил своим бригадам. Какие-то залётные мексы, чего они хотят?

“Нет. Нет. Не бывает такого. Бардак.”

Кармела послала бы детей наверх да села с гостями в гостиной. Семья Ферраро ничем не должна привлекать таких людей, от которых Кармела прячет детей.

Одна его рука обхватила шею сзади, безотчетно массируя мышцы.

Вторая сжимала руль. Потому что те, кто платит налоги, не заявляются в выходные.

Он вдавил педаль в пол.

[1] В 1950-е годы американские аптеки (особенно в небольших городах и пригородах) часто выполняли роль местного мини-центра: там не только продавали лекарства и товары для здоровья, но и предлагали кофе, сэндвичи, мороженое, газировку и свежую прессу.

Глава 9.

Кармела яростно мешала подгоревший соус. А она говорила, что водиться с мокрыми спинами^[1] – себе дороже! А она говорила, что они все дикари! Если уж вломились в её дом, то она позаботится о том, чтобы в руке было что-нибудь горячее и чугунное.

Через плечо она кидала взгляды в сторону гостиной. Мужланы расположились перед телевизором, ожидая супруга. Она вынесла им прохладительное и удалилась на кухню, к ножам и сковородкам.

Её ухо уловило шуршание колёс по бетону. Видимо, Мария-таки нашла Франческо, слава тебе Господи. Кармела очень хотела ринуться к нему и то ли предупредить, то ли отругать. Осталась на месте, лишь наклоняясь над столешницей к окну, хоть и знала, что входящего не увидеть.

Мужланы не представились. Значит, женщин за людей не считают. Значит, ей влезать не стоит – только главу семьи опозорит. Она принялась громыхать посудой, обозначая присутствие.

Он услышал и понял, что она жива и свободна. Прошёл внутрь, и Кармела воспользовалась шумом его шагов, чтобы шмыгнуть в коридор и там затаиться.

— Сеньоры, – Франческо придал голосу сдержанную раздражённость. – Чем обязан?

— А-ай, сеньор Ферраро! – поднялся ему навстречу предводитель. – А мы заждались! Верно, парни?

Мексиканец поправил манжеты бежевой рубашки, а от улыбки морщины вокруг глаз стали глубже. На вид ему можно было дать в районе сорока. Сильный загар, жилистая стать, зубочистка в уголке рта.

— Зовут меня Гонсалес, Андре Гонсалес. Не буду ходить вокруг да около, – он потёр руки и опустился на диван, когда Франческо занял кресло напротив, – но также надеюсь на вашу тактичность.

— Дела, которые обсуждаются в частном доме, – холодно качнул головой тот, – обычно требуют такта.

— Хорошо, хорошо. – Мексиканец кинул зубочистку на столик. – Один мой кузен работает на вас. Говорит, что вы в высшей степени разумный босс и – что крайне весомо – человек слова. А наше предложение как раз требует настоящей честности. Вы знаете, о чем я? Непреклонной честности, потому что в случае проблем мы не посылаем юристов.

Франческо позволил себе моментальную улыбку. Ей было видно, что он до сих пор не понимал, зачем непрошенные гости явились, но изобразил заинтересованность.

— Я сейчас отошлю жену, и мы сможем обсудить ваше дело подробнее.

Кармела со скромно сцепленными спереди руками выслушала приказ прикупить аспирину в аптеке Престона. Когда она вышла за дверь, мексиканцы оживились, будто этого и ждали.

Не прошло и пяти минут, как Кармела наткнулась на Марию с двойной коляской, окруженную итальянцами. Причём она её растрепалась, лицо пошло пятнами, а глаза припухли.

Четырёхмесячные двойняшки Маттео и Франческа заливались плачем, переняв панику няньки. Взрослые вокруг возмущённо галдели, что никак не способствовало детскому сну.

— Ох, синьора! Я так виновата! – бросилась вперёд девушка. Роза сразу же перехватила малышкой и принялась рьяно трясти коляску. – Я побежала в контору за синьором, не заметила, как потеряла Джузеппе! И синьора там нету!

Кармела не размахиваясь ударила её по щеке. Та икнула и застыла.

— Потом поплачешь. По порядку!

— Они постучали, я открыла. Вы ведь в тот момент наверху кормили деток, а я на кухне, – Мария утёрла нос рукавом. – Ну, они сказали хозяина надо. Втолкнули меня так, я не успела сообразить... Ну, я за вами. Вы спустились, я к деткам, потом вы в гостиную, потом на кухню, там дали Джузеппе немного денег. Он мне говорит, гулять пора. Я через заднюю дверь с ними...

— Это я знаю, – нетерпеливо сказала Кармела и жестом показала Розе увезти малышкой к себе. – Дальше!

— Ну, я говорю, давай пробежимся – и припустила вниз по улице! Джузеппе сначала рядом был, а потом я забыла думать про него. В конторе хозяина не было, и тут я заметила... я даже не знаю, когда он потерялся! Ну, я по соседям!

Кармела отвернулась от няньки, которая винилась и молила Бога защитить потерявшегося. Стоять и голосить посреди улицы не то что бессмысленно – это опасно. Итальянцы были отправлены по домам, но чтоб сидели у окон и держали уши раскрытыми. Взяв с собой двух крепких парней, синьора продолжила путь в аптеку Престона. Муж не просто так назвал одну из трёх имеющихся в Марина Верде.

“Какие они отвратительные, эти Гонсалесы! – кипела Кармела изнутри, обнимая поглощённого комиксом сына. – А плиту-то я выключила? Не помню. Ну ничего, Франческо учует дым и разберётся с этим.”

— Мама, можно я сам понесу свои покупки?

— Можно, дорогой. Давай ещё немного посидим?

— Но я хочу разложить комиксы дома. Я никогда раньше не покупал так много за раз!

— Ты молодец, – погладила она его по чернявой голове. – А посоветуй мне чего-нибудь попить. Я так устала, хочу вкусенького.

Пока Кармела и Джузеппе лакомились милкшейками за стойкой, двойняшки спали у Розы таким сладким сном, который приходит только после основательной истерики.

[1] Мокрые спины – прозвище нелегальных иммигрантов из Мексики, переплывших Рио-Гранде или Мексиканский залив, чтобы проникнуть в США.

Глава 10.

Мария проплакала до утра – ей никто не рассказал, что ребёнок нашёлся, что хозяин нашёлся, и всё хорошо. У четы Ферраро были свои выяснения отношений, а для общины мало что менялось. Во всяком случае, на данном этапе.

— Его кузен – мой кровельщик. Какой-то шкет, восемнадцать лет, – морщась от усталости, говорил Франческо вечером. – Не суть важно. Андре Гонсалес заходит на рынок оружия и ему нужно прикрытие для транспортировки.

Ему пришлось съездить вместе с новым партнёром: осмотреть предлагаемые машины, ознакомиться с картами и обговорить детали. Жена хотела что-нибудь швырнуть, но вместо этого процедила сквозь зубы:

— Ты собрался работать с этим хамлом?

— Они недоумки, ты права, – запустив обе пятерни в волосы, Франческо упёрся локтями в колени. Он сидел на великолепном диване с резными лапами и чувствовал себя юнцом, который проштрафился. – Латиносы никогда не могли похвастаться манерами. Щёгольство – это всё, на что они способны.

Жена проигнорировала уничижительную оценку партнёров, и он со вздохом перешёл к главному:

— Через Мексиканский залив они везут товар. Связи на таможне имеются, это не наша с тобой головная боль. – Кармела взвилась, угрожающе ухнув, и он остановил её поднятыми руками. – Да дослушай же. Наш кооператив якобы закупит кое-что у его фирмочки. Гонсалес даст нам два цементовоза, а там отсек внутри.

Как инженеру, Франческо понравилась задумка. Полость находится в самом центре, и добраться до неё можно только слив содержимое контейнера – через верхний люк человек залезает и уж тогда открывает тайник. Ни простукивание, ни собаки не обнаружат ничего противозаконного.

Сначала его снабдят необходимым для перевозок, а дальше и работу подкинут. Как бизнесмену, ему было очень интересно.

— С настоящими объектами, с настоящими путевыми листами и накладными для нас риск минимален. Гонсалес хочет построить пару складов под Майами, один под Тампой и два-три под Орландо, чтобы потом организовать поток в другие штаты. Платит наличкой.

— Слушай, – резко вклинилась Кармела, – ты можешь сколько душе угодно жонглировать нелегалами, к такому цирку мы привыкли. Но этот тип втянет тебя в неприятности! Это оружие!

— Tesoro, я же изо всех сил стараюсь. – Франческо встал и прижал её руки к своей груди. – Но мир так не работает. Либо мы законопослушные и слабые – и нами погоняют все от рыночного торговца до чиновника. Либо мы сильные.

Он не стал заканчивать мысль. Она и так всё знает, просто на секунду забыла, потому что малыши забирают каждую минутку, потому что она руководила школой без выходных, потому что он так закрутился с фермами орхидей и шампиньонов, с пекарнями, рыбами, стройками и спиногрызами, которые на его зов приехали во Флориду – но были слишком тупы, чтобы им можно было сразу дать работу – так много навалилось за последний год, что она забыла, в какую сторону вертятся шестерёнки большого мира, а он запустил семью, ради которой и балансирует на границах контрактов.

Он как-то отчаянно сгрёб её в охапку. Кармела коротко вскрикнула, цепляясь за его плечо. Он подбросил её, поудобнее перехватывая для подъёма по лестнице – в спальню, где на двери замок и в шторах запах её духов.

— Пусти! – она свободной рукой толкнула его в грудь, но он лишь прижался носом к её виску, надеясь, что кожа к коже заставит смягчиться.

Нет, не смягчиться – довериться. Я здесь, я с тобой, дыханием говорил он.

— Если ты думаешь... – Кармела прикусила язык, ведь почти шесть месяцев она его не подпускала к себе. Франческо не настаивал, и это приносило ей две трети облегчения и одну треть обиды. А сейчас он стойко вышагивал наверх.

Опустив её на кровать, он с намеренной медлительностью задрал юбку, чтобы добраться до чулок. Застёжки выскочили – щёлк! щёлк! – и затем твёрдые ладони скатали книзу плотный шёлк.

Он вернулся – тот же голодный до объятий парень, который с радостью менял сон на любованье тенями и изгибами её тела. Который до рассвета исчезал через окно, чтобы мамаша Соррентино не застучала, и уже к завтраку обивал порог её дома. Который заразил её мечтой и с ослиным упорством назвал это целью, потому что у мечты сроков выполнения нет, а у цели есть.

Большие пальцы вдавились в свод стопы, заставив Кармелу чуть выгнуться и задрожать, а его губы поднимались по икре, лёгкие и звонкие.

— Ты думаешь, это что-то изменит? – она вдруг попыталась сесть, но он ладонью в грудь прижал её к матрасу.

“Конечно, изменит, – подумал он. – Ты же забыла, почему мы вдвоём оставили Неаполь, я просто напоминаю.” Но он занимал свой рот на внутренней стороне её бедра, чтобы не отвечать вслух.

“А я тебя подвел. Они тебя напугали, а меня рядом не было.”

Длинные пальцы расправлялись с барьерами ткани; Кармела замерла, стиснув скомканное платье у талии. Зарделась, как девчонка.

Коричневый шов посредине живота, и складка, которой раньше не было. Она не хотела показывать.

Он и сам остановился там, где голова кружилась после долгой разлуки. Он дразнил, боготворил, пил её звуки, направляя неторопливые движения и вверх, и вниз, и вглубь. И важным было показать ей, что он всегда считал и считает её самой яркой, самой вкусной, самой великолепной.

Она вцепилась в его запястья, которые обнимали её подрагивающие бёдра. Франческо полностью накрыл эту дрожь своим ртом, твёрдо-гладкими движениями выжимая последние пульсации.

Утром она проснётся прижатой к его спине, с переплетёнными руками и его ногой, втиснувшейся между её бедер. В конце концов, он больше понимает в этой каше из чеков, грузовиков и латиносов. Франческо не такой человек, чтобы бездумно вредить семье; надо значит надо.

Это будет хорошее воскресенье. Кармела покормит малышей и вернётся в постель, когда Мария придёт с ними сидеть. Франческо выпится и за весь день даже носа не покажет за пределами дома. Джузеппе будет говорить с набитым ртом, потому что мама напоминает кушать, хоть он и торопится. Мальчик поделится с отцом важными событиями, которые происходят исключительно на переменах, и вилка у него висит в воздухе. Он протестовал, когда вечером папа и мама тихонько смотрели кинофильм, но быстро сообразил животом лечь на их колени – на все четыре! Как же легко поймать всех вместе, если они в одной комнате. Они будут его гладить и хихикать, а потом будет телефонный звонок.

Глава 11.

Пьетро Галло невольно вспоминал, как в пятьдесят втором провожали молодых Ферраро. С трубкой у уха он ждал, пока коммутатор соединит с Флоридой, и думалось о разном. Ждал уже час.

Ну ничего, в этот раз он подготовился. Сходил по нужде, поставил тарелку с завтраком и кофейник, принёс бумагу и карандаш – если вдруг у них будут распоряжения, когда дозвонится.

Два дня назад, после пожара, он просидел шесть часов без толку.

Кузина Кармелы, Лючия, охмурила его обещаниями вечной страсти, и он с готовностью влился в её семью. Переехав в Неаполь из маленькой деревеньки на юге Кампани, Пьетро поступил на службу в гаражный кооператив. Живи да радуйся, плоды потомство – так ведь?

Зачать удалось лишь в прошлом году – почти через десять лет попыток! Лючия разродилась здоровой девочкой. Немногочисленные семьи Ферраро и Соррентино взяли их под своё крылышко, пока Пьетро принимал поздравления от друзей и коллег.

Крепкие напитки топили разочарование: что не мальчик получился, что так долго ждали, что Лючия стала сварливой ведьмой.

— Щиток проверь! – била она мужа полотенцем по плечам всю беременность. – Сколько повторять тебе! Свет мигает, розетки горячие! Ни на что не годный вонючий лентяй!

Он бы сразу починил, но проклятые лампочки при нём вели себя хорошо. Точно, жена привирает, чтобы был повод на него наорать. Сушая мегера, думал он.

Когда же руки дошли, то оказалось, что перегорел предохранитель – тонкая проволочка внутри керамического корпуса. Пьетро его достал и поколупал ногтём. Воняет как от паяльника. Купит новый по пути с работы. Выудил из кармана медную монету в десять лир и кое-как втиснул заместо предохранителя. Ток проводит, значит, мигать не будет.

Лючия вернулась из больницы с младенцем и распорядилась закупиться вином.

— Собираемся в Америку звонить, – сказала она, – Ферраро и Соррентино будут у нас всю ночь.

— А вы не можете сделать это в другом месте?

“Лучше мартовских котов слушать, чем баб, – скривился он. – Это несколько часов возни.”

Родня хочет сидеть у него за столом, пить и жрать, сменяя друг друга на посту у аппарата. Коммутатор соединит, когда подойдет очередь, и они будут орать одно и то же по пять раз, потому что ни хрена не слышно. Просто чудесно.

— Кармела больше денег посылает, чем ты за три месяца зарабатываешь! – возмутилась жена. – Она имеет право знать, что у неё родилась племянничка и назвали её Стелла!

— Двоюродная, – под нос поправил Пьетро и потащился в винную лавку.

К тому времени, как он вернулся, бабы уже нанесли покрытые полотенцами блюда на ужин. Мамаша Соррентино сидела на стуле в коридоре, называя оператору американский номер.

Пьетро шмыгнул на кухню, галантно открыл пару бутылок – и исчез, не прощаясь.

— Монета – не проволока, – объяснили ему на следующее утро на пепелище. – Надо, чтобы перегорело и разъединило цепь, а монета толстая. Оно там грелось-грелось, вот и...

Он не знал, как опознавать восемь тел, и не мог ответить, положить ли их в общую могилу или наугад распределить надгробия. Сосед предложил приютить Пьетро, и там он ходил из угла в угол как в море.

Пытался звонить Франческо, узнать распоряжения и просить немного денег. Пил, напи-
вался, просил у своего отражения прощения. Права была Лючия, что чихвостила его, дурака,
и младенчик был замечательный.

А как Стеллочке не быть замечательной, если год назад её вообще нигде не было – ни в
Неаполе, ни в Берлине, нигде! – а потом она была и он её держал, и подушечкой пальца убирал
отслаивающуюся кожицу, как будто она на солнце сгорела, но мамаша Соррентино сказала, что
у новорожденных это обычное дело, а теперь никого нигде нет – ни в Неаполе, ни в Берлине,
вообще нигде на свете, и никуда не поехать, чтобы их найти и забрать.

И вот сегодня он положил трубку на рычаг и спросил у соседа, есть ли у него конверт.
Пьетро положил туда несколько купюр, и сумма убедила начальника телефонной станции дать
ему кабинку – дозвониться до родни в Америке. Соединили.

— Алло?

А успели ли в ту ночь поговорить? Пьетро растерялся – что надо сообщить первым делом,
про пожар или про племянничку? Горло зажало.

— Алло? Это Франческо! Говорите!

— У нас тут... несчастье, – выдавил он. Потом повторил, громче: – Франческо, брат,
большое несчастье.

— Кто это? – связь отвратительная, он не мог признать голос.

— Галло.

— Что случилось?

— Никого не осталось, Франческо. Короткое замыкание. Похоронить их вместе? –
Пьетро торопливо выкрикивал, боясь, что горло схлопнется окончательно. – Ты можешь
послать сколько-нибудь? Дом сгорел, всё сгорело.

Франческо отвел телефонную трубку от уха и потряс головой, шурша подбородком о
микрофон.

— У кого? Я ни черта не понимаю! Алло?

Пьетро медленно повесил трубку. Милая девушка-оператор помогла ему составить теле-
грамму. «ГЛУБОКО СКОРБЛЮ СОРРЕНТИНО ФЕРРАРО ПОГИБЛИ КОРОТКОЕ ЗАМЫ-
КАНИЕ ПЬЕТРО ГАЛЛО ЖИВ ЖДУ ДЕНЕГ» – и его новый адрес. Он дал ей конвертик и
поплелся домой.

Глава 12.

Кармела с двойняшками заперлась в спальне и ни с кем не разговаривала неделю. Она не хотела слушать сбивчивых новостей из Неаполя, опасаясь, что пропадёт молоко. Маленькие и так стали беспокойные, будто оно горькое.

— Синьора, может, вам чего-то особенного приготовить? – канючила за дверью Мария. К ней цеплялся Джузеппе, не понимая, почему к маме нельзя.

Хозяйка не откликнулась. Она открывала дверь только забрать поднос с едой или корзинку с чистыми пелёнками. Вечером впускала мужа.

Если часто открывать, то новая беда залетит, думала она, и днями напролет разговаривала с Маттео и Франческой:

— Ваши папочка и мамочка знают вас лучше всех на свете. Да, мой милый, родственники и друзья вас любят, но это совсем-совсем другое. Вот моя мамочка смотрела как я училась надевать носочки, когда была маленькой. И как я наливала две капельки на стол, а затем соединяла их ложкой. И как я вздыхала у окна, если ваш папочка опаздывал на свидание. Никто-никто больше не видел этого, только моя мамочка.

Маттео гулил и хватал ручонками, и Кармела замолкала. Не дай бог она расплатится и расстроит детей.

— Я вам не говорила, но у нас почти получилось привезти вашу бабушку из Италии. Да, котёночек, с американским гражданством можно подавать заявление и для родителей.

Франческа пускала пузыри, и Кармела вытирала её платочком.

— Спрашиваешь, зачем вообще уехали? Ну, деточка, там будущее печальное-печальное. Тут мы себе построили большой-пребольшой дом, завели много-много друзей... у папочки очень хорошо получается.

Франческо поймал жену на кухне, колдующую над заварочным чайником. Мята, звёздочка аниса – в чашку добавить мёда. Он тоже налил себе и сел сбоку, попивая маленькими глоточками.

— Это так ужасно – быть старшим поколением в семье, – наконец сказала она. Он только кивнул.

— Я бы хотела, чтоб этот чай подавали в нашей пекарне. Мамин рецепт.

— Не проблема, – тихо улыбнулся он.

— А ещё я хочу, чтобы твоя дружба с Гонсалесом принесла много денег. Мы должны подкупить всех, кого нужно, и вывезти Пьетро в США. Только... – она помедлила, – только не рассказывай мне о ваших делах с контрабандой. Просто сделай.

Глава 13.

1961 год.

Два с половиной акр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.